

бе „здравствуй“, „с новым годом“; да ты не любишь поздравлений; и так нет тебе ничего. А здравствуйте вы, сударыня Марья Алексеевна! Здравствовать право нужно: этот рецепт между прочим хорош и для тех, кто на желчь жалуется: перескажите пожалуйста, сударыня, это Николаю Александровичу — или быть уж так, добро, поговорить самому с ним <...> Желчь твоя или горечь, хоть бы камень ей на шею <...> Однако я бы тебе советовал пожаловать лекарств больше не принимать, чтоб не сделать из себя аптеки» (66, 73, 67). Естественно, друзья не смогли пройти мимо названия города Смирна. «Не очень у нас смирно, говорят у вас? и у нас тоже говорят» (85), — сообщал Хемницер Львову. «Радуюсь, что наш друг уже в Смирне; желаю искренно, чтоб там все смирно было и с стороны Едикуля, и с стороны чумы» (85), — писал ему же Капнист.

Тонкая шутка, понятная иногда только в узком кругу избранных, порождала чувство принадлежности к особой корпорации и возвышала над непосвященными, вездесущим государственным началом и даже обстоятельствами. Сопутствующая юмору ересь свободного духа провоцировала друзей на конфликтное пересечение торжественного стиля и разговорной стихии приятелей-литераторов, что снижало патетику величественного официоза. Уже упоминаемая триумфальная сцена встречи российского консула, действительно, вызвала у Хемницера горделивое чувство причастности к имперскому могуществу, но ироничный голос интеллектуала-фрондера, посмеивающегося и над важностью русской миссии, и над всей придворной дипломатией, тут же шепнул: «по улицам смотреть зеленого осла кипит народу без числа»: «Съехав в первой раз с яхты на берег, вся набережная покрыта была народом, собравшимся смотреть меня. Согрешил я тут, что вспомнил о собственных стихах» (62). Львов подхватывает озорное сравнение и шлет «зеленому ослу» поклоны, Хемницер не остается в долгу и уже спустя несколько месяцев после прибытия в Смирну благодарит друга «за припев зеленому ослу счастья. Кабы да вашими устами мед пить!» (76). Издевательства друзей над подьячими распространялись на всю имперскую канцелярию и жалкий неповоротливый язык чиновников. Выбивая обещанные деньги для российского консула, Львов вместо вразумительного ответа получил бессмысленный набор заскорюзлых бюрократических штампов. «<...> тебе превеликое ИБО сказали, спасибо тебе. Конечно, так, без *ибо* доказательства по канцел. делам привести ни на что нельзя <...> Это „*ибо говорят они*“, как ты пишешь, меня на весь день рассмешило. Тут много и посторонних воображений столкнулось: представлял я себе и того, кто это *ибо* сказал для того только, чтоб соблюдению формы по его мнению больше силы придать» (78).

Осознание элитарной замкнутости сквозило и в постоянном цитировании строк из собственных творений и произведений «всех наших», и в нарочито грубоватом тоне, который могут позволить